

1.6. Солдатский фольклор

№ 1265 - 1271

Стихи из писем фронтовиков родным и знакомым

4 октября 1941 г. - 28 марта 1944 г.

№ 1265

Из письма П. Пальцева¹ директору ТГПИ Г.М. Михалеву

4 октября 1941 г.

Великая война²

Горит пожар войны священной
За честь, свободу и права!
Сгорит в нем Гитлер подлый, вредный,
А Союзы – никогда!
Зажглись, кипят в народе смелом
Сердца ненавистью к врагу:
Смерть фашизму, гитлеризму,
Грабившему страну!
Просторы страны Великой
Будут смертью для врага.
Идут, бегут волной кипучей
Патриоты бить врага.
Вот теперь век двадцатый
Грозный будет для врага:
Похоронит люд великий
Гитлеризм навсегда!
О, Великая Россия!
Как посмотрю я в даль полей
И заключаю: твоя сила
Грозней меча, всех грозней!
На просторах твоих великих
История знает много битв:
Шведы, немцы и татары
Разбивались о гранит.
Русь горела, Русь страдала,
Но не сдавалась никогда.
Всегда она врага-вандала
Прогоняла от себя.
Теперь не только народ русский
Поднялся бить, колоть врага,
А все народы, у которых
Цель одна – разбить врага.

Народ этот – мир славянский:
 Чехи, сербы и... словак,
 Украинцы и литовцы,
 Македонцы и хорват...
 Народ славянский – он великий,
 Могилу роет для врага.
 И нечисть вся сойдет в могилу,
 А славяне – никогда!
 О, славянские народы!
 Как будет весело тогда,
 Когда мы будем все свободны
 От погибшего врага.
 И пусть потом мир славянский
 Цветет, поет и веселится.
 Вот когда совсем уж райски
 Мир славянский заискрится!
 Но в грозный час, когда славянам
 Угрожает враг и гибель,
 Не сидеть, а каждым граммом
 Свинца разбить врага – погибель.
 Дома, в поле, за станками
 Куйте быстро меч победы,
 Чтоб великими трудами
 Разбить врага, его все бреды!

Коллекция музея ТГУ им. Г.Р. Державина. Подлинник.

№ 1266

**Из письма Ф.А. Житнева первому секретарю Тамбовского обкома
ВЛКСМ В.М. Семичевой³**

19 декабря 1942 г.

Парень молодой⁴

Под березой, вишнею над зеркальной речкою
 И зеленым берегом ночью голубой
 С девушкой любимой, с песней задушевною
 Шел с гитарой звонкою парень молодой.

Золотая родина, вишня и смородина,
 И улыбка нежная милой, дорогой...
 Отцвела смородина, всколыхнулась родина,
 Стал бойцом-защитником парень молодой.

В блиндаже, в земляночке, где звенит тальяночка,

Вспоминает милую с грустью и тоской.
Шлет приветы-весточки Любушке-невесточке,
Но напрасно пишет ей парень молодой.

Город немцы заняли, все дома обшарили,
Офицер разбойничал ночью над горой...
Нет любимой Любушки, белокурой девушки,
И напрасно письма ждет парень молодой.

ГАСПИТО. Ф. П-1184. Оп. 1. Д. 584. Л. 9-10 об. Подлинник.

№ 1267

Из письма Л.М. Виноградова жене З.Н. Виноградовой и дочери Альбине
*10 января 1943 г.**

Вместо письма⁵

Ты просишь писать меня часто и много,
Но редки и коротки письма мои.
К тебе от меня непростая дорога,
И много писать мне мешают бои.

Враги недалеко и в сумке походной
Я начатых писем десятков ношу.
Я выберу часик свободный
И сразу их все допишу.

Припев:

Пускай эта песенка вместо письма,
Что в ней не сказал я, придумай сама.
И утром ее, напевая без слов,
Ты знай, что я твой, что я жив и здоров.

Поверь мне, родная, тебе аккуратно
Длиннющие письма пишу я во сне.
И кажется мне, что сейчас и обратно
Ответы, как птицы, несутся ко мне.

Но враг недалеко, и спим мы немного,
Нас будит работа родных батарей.
У писем моих непростая дорога,
И ты не проси их ходить поскорей.
Припев.

ГАСПИТО. Ф. Р-9291. Оп. 10. Д. 15. Л. 22, 22 об. Подлинник.

* Дата установлена на основании почтового штемпеля.

№ 1268

**Из письма И.П. Гречаного первому секретарю Тамбовского обкома
ВЛКСМ В.М. Семичевой**

21 января 1943 г.

Живи, учись и будь здорова,
Цвети, как роза утром мая,
Как пальма будь стройна,
Как незабудка голуба.
Любовь чарует мир природы,
И без нее нет цели жить.
Живут любовью все народы,
Вы разрешите Вас любить.
Розу алую срываю,
А затем целую Вас...

ГАСПИТО. Ф. Р-1184. Оп. 1. Д. 620. Л. 47. Подлинник.

№ 1269 - 1270

Из писем И.И. Аверина жене К.П. Авериной и дочери

23 ноября 1943 г. - 13 января 1944 г.

№ 1269

23 ноября 1943 г.

За лесами в далеком краю
Легкой пылью дымится твой след.
Только ветер в землянку мою
От любимой доносит привет.
Я сегодня в атаку иду
Средь таких же суровых бойцов.
Не стесняясь, у всех на виду,
Я смотрю на родное лицо.
Я смотрю на портрет дорогой,
Не скрываю, что сердце таит.
Пронесу я сквозь дым и огонь
В гордом сердце заветы твои.
Не сробею пред грозной бедой
И не дрогну в бою никогда.
Нашу давнюю дружбу с тобой
Обожгли огневые года.

За лесами в далеком краю
 Легкой пылью дымится твой след.
 Только ветер в землянку мою
 От любимой доносит привет.

ГАСПИТО. Ф. Р-9291. Оп. 7. Д. 1. Л. 13. Подлинник.

№ 1270

13 января 1944 г.

Шинель

Она уже разбита десять раз,
 Прожженная, в отметилах кровавых.
 О ней напишет пламенный рассказ
 Писатель наш, певец военной славы.
 Я клялся в ней заветы чтить вождя
 И проявлять себя в большом и малом.
 Она меня спасала от дождя,
 От снежных бурь служила одеялом.
 Я в ней бывал в походах и боях,
 Я в ней прошел сквозь грозные дали.
 В такой шинели, точно как моя,
 Нас в бой ведет великий маршал Сталин.
 Я в ней бывал на берегах Невы,
 Превозмогал и боли, и усталость,
 Но никогда не вешал головы,
 Хоть мне тогда немало доставалось.
 Пройдет война, и повернут пути,
 Вернусь домой и чувств своих не скрою.
 Под ней прижму я милую к груди
 В родном доме вечернюю порою.
 Шинель очищу – не найдешь пятна.
 Явлюсь в Москву, пройду в ней по панели,
 Меня с любовью встретит вся страна –
 Бойца в походной серенькой шинели.

ГАСПИТО. Ф. Р-9291. Оп. 7. Д. 1. Л. 15, 15 об. Подлинник.

№ 1271

Из письма Б.П. Крючкова сестре Валентине

28 марта 1944 г.

Песня (на мотив «Вышел в степь донецкую...»⁶)
 Молодые девушки немцам улыбаются,

Позабыли девушки о своих парнях.
 Только лишь родители горько убиваются,
 Горько плачут матери о своих сынах.
 Где-то там у берега, над широкой Волгой,
 Сын убит за Родину, парень молодой.
 Только ветер волосы развеивает русые,
 Будто их родимая теревит рукой.
 Вымоет старательно дождик кости белые,
 И засыпет медленно мать – сыра земля.
 Так погибли юные, так погибли сильные,
 Что дрались за Родину, жизни не щадя!

ГАСПИТО. Ф. Р-9291. Оп. 7. Д. 71. Л. 40. Копия.

№ 1272

Из творческого наследия В.И. Шульчева⁷

*Ранее 21 февраля 1943 г.**

Частушки

Полицай и староста,
 Под конвой, пожалуйста!
 Будет тебе туга,
 Немецкая прислуга.

Партизанская работа –
 Немцу горе и забота.
 Что ни день, то под откос
 Свален вражьи паровоз.

Песня курских партизан

В тылу врага мы бьемся непреклонно,
 Повсюду наши зоркие посты.
 Взлетают к небу вражьи эшелоны,
 Пылают склады, рушатся мосты.

За нашу кровь, за слезы и за раны
 Мы вражьей своре объявили счет.
 Смелее в бой, лихие партизаны!
 За Родину, за партию, вперед!

Мы знаем все и всюду нам дороги
 В любую полночь, вьюгу и туман.
 Нас было мало, а теперь нас много,
 Растут отряды курских партизан.

Враг будет бит. Фашистской банде черной
 Не жить на нашей радостной земле.
 Разведка наша в Курске и Касторной,
 Друзья у нас и в Брянске и Орле.

А ну-ка, товарищ, смелее вперед,
 Пусть нас не страшат угрозы.
 Мы мину поставим и капсюль воткнем,
 Здесь скоро пройдут паровозы.

Товарищ, споем эту песню с тобой,
 Споем эту песнь боевую,
 Споем, а на завтра всей ротою в бой
 За нашу Отчизну родную.

Раскинулись рощи широко,
 И мраком одет небосклон.
 Идем мы, товарищ, далеко
 Пустить под откос эшелон.

Дорога на запад

Дым качался и падал в окопы и щели,
 И по выжженным рощам разгуливал чад,
 И в далекое небо сурово глядели
 Неподвижные лица немецких солдат.
 Так вершится итог, и кончаются сроки,
 И подбитое судно садится на мель.
 И просторной могилой земля на востоке
 Обернулась любителям новых земель.
 Так приходит расплата за кровь и за слезы.
 Шла пехота вперед, принимая снега.
 И на запад советские шли бомбовозы,
 И советские танки громили врага.

ГАСПИТО. Ф. Р-9291. Оп. 12. Д. 117. Л. 71, 72, 74, 76. Копия машинописная.

* В.И. Шульчев погиб 21 февраля 1943 г.

№ 1273

Из дневника военнопленного А.Н. Денисова

1944 г. - 26 августа 1945 г.

В плену⁸

Сижу в котловане, глубоком, большом,
Сижу и судьбу ожидаю.
Я – пленный советский в фашистском плену.
Прошедшие дни проклиная.

Пулеметы на вышках стояли вокруг,
Стволы все на нас направляли,
А мы, изнуренные долгим путем,
Уже пятые сутки не ели.

Приклады и пули здесь были в ходу,
Они нас кормили и грели,
В дождливые ночи осенней порой
Сидим без сапог и шинелей.

Измучены жаждой, не видя воды,
Последние силы смотали.
За каждую каплю холодной воды
Десятками нас убивали.

Раскинулся лагерь широко,
Там тысячи пленных живут,
А жизнь их голодна, жестока –
Худеют, болеют и мрут.

«Товарищ, не в силах я на ноги встать,» –
Сказал один пленный другому, –
«В глазах потемнело и рук не поднять,
Видать, не вернусь я до дому».

«Кому же скажу я, что ты заболел,
Товарищ, того я не знаю,
На долю нам выпал жребий плохой,
Я сам, как свеча, догораю.

Привстань-ка, товарищ, ты должен привстать,
Ты должен напрячь свои силы,
Еще бы хоть раз нам поесть досыта,
Тогда мы готовы в могилу.

Смотри-ка, на бричках умерших везут,
Осталась кожа да кости,
Костлявой рукой им салют отдают,
Их бросят, как скот, на погосте.

Глубокая яма готова для них
И маленький крестик дубовый,
Печального плача не надо для них,
Провоет лишь ветер суровый».

Напрасно мамаша ждет сына домой,
Как прежде он ей не улыбнется,
Уснул он в тяжелом немецком плену,
Теперь он уже не вернется.

В забое⁹

В забое, внизу под землей глубоко,
Работал там пленный из наших.
Бедняга, ему [в] жизни пришлось нелегко,
Испил горя полную чашу.

В ревире у нас санитар был подлец,
Кричал, избивал, издевался,
И стал пареньку уж не мил белый свет,
Забой же кошмаром казался.

От немца он уголь на ручей кидал,
Работал голодный и потный,
А немец там голый рубал и рубал,
Кричал: «Русски, феста работи!».

Однажды пришли на работу в забой,
Где штепселя грозно трещали,
Взглянули – над самой у них головой
Две глыбы опасных свисали.

Решил немец сразу – работать нельзя,
Хотели уйти ближе к верху,
Но штейгер орал, выходя из себя,
И стали работать близ смерти.

Работали быстро, часа полтора,
Крепление вновь затрещало,
И черной породы большая гора
На них сразу сверху упала.

Напарнику немцу ходить без ноги,
В больницу свезли, где калеки,
А русского парня закрыло совсем,

Простился он с жизнью навеки.

Его откопали лишь дня через три,
Когда вновь в забое крепили,
Никто не видал, как наверх подняли
И где-то за шахтой зарыли.

Напрасно старушка ждет сына домой,
Ей скажут – она зарыдает.
Шахтеры проходят угрюмой толпой,
И клеть их на низ опускает.

Напрасно жена на дорогу глядит,
Льет слезы в бессонные ночи,
Лепечут молитву детишки его:
«Верни нам отца, Боже отче».

Молитвы детей уж теперь не дойдут
До Творца и Создателя мира.
Отец их погиб здесь в фашистском плену
По воле жестокой Вампира.

Из далекого немецкого плена
Шлю тебе я, мамаша, привет.
Как живешь, ты моя дорогая,
Не напишешь мне ты ответ.

Нахожусь уж в плену я три года,
Эти годы страдания и слез.
Ты же знаешь, моя дорогая,
Сколько горя твой сын перенес.

Был холодный, голодный и босый,
Еле ноги свои я таскал,
И, стоя за поллитром баланды,
Часто-часто тебя вспоминал.

На работу голодных и босых
Гнали сотнями, пачками нас,
А фашисты-солдаты старались
И ломали приклады об нас.

Всюду тихо, уныло, угрюмо,
И колючие дроты висят,

По углам пулеметные вышки,
А на вышках фашисты стоят.

А наутро посмотришь – в бараках
Трупы мертвых на койках лежат,
Похоронные команды являлись,
И носилки мелькали в дверях.

Да, не плачь же так горько, родная,
А прослушай рассказ до конца,
Вши до смерти людей заедали,
Не узнал бы здесь родной сын отца.

Неужели же, злая судьбина,
Мне в Германии смерть суждена?!
Нет, как кончится плен угнетенья,
Тогда, мама, увижу тебя.

Ночь прошла в полевом лазарете,
Где дежурили доктор с сестрой.
В полумраке весеннем рассвете
Умирает от раны герой.

Он, собравши последние силы,
И диктует сестре, что писать.
Сам бесстрашный, сам близок к могиле,
Он не хочет родных огорчать.

«А жене Вы моей напишите,
Что я скуку хочу разогнать,
Что я, раненный в правую руку,
Не могу я письмо написать.

Своих деток я крепко целую
И хотел бы их крепко обнять,
А еще же я крепко целую
Дорогую любимую мать».

А рассвет разгорался в окошке,
Сестра плачет и пишет едва.
Вся страница слезою промокла,
Он чуть слышно диктует слова.

«Брату Вы моему напишите,

Что наш полк отличился в бою,
 Что мы крепко с врагами дрались
 И за вас, и за землю свою.

Но снаряд прилетел, разорвался,
 Оторвало осколком плечо,
 И навеки я с вами прощаюсь
 И целую вас всех горячо».

Перебиты, поломаны крылья,
 Дикой злобой всю душу свело.
 Кокаином, серебряной пылью
 Все дороги мои замело.

И хожу я, брожу, спотыкаясь,
 И не знаю, куда я пойду.
 Эх, зачем эта доля такая,
 Кто накликал такую беду?

Тихо струны гитары играйте,
 Моим думам играйте в ответ.
 Я совсем ведь еще молодая,
 А душе моей тысяча лет.

Кто поможет унести это горе,
 Потушить это пламя в груди?
 Кто развеет проклятую скуку?
 Ничего никогда впереди.

ГАСПИТО. Ф. Р-9291. Оп. 10. Д. 27. Л. 74.-76 об., 131-132 об., 172-173 об..
 Подлинник.

№ 1274

Из фронтового альбома зенитчицы*

*Май-июнь 1945 г.
 г. Будапешт*

Встреча

Когда на землю опустился сон,
 И вышла бледная луна,
 Выхожу я на балкон
 Глубокой нежности полна.
 Мне море песню о счастье поет,

Ласкает тихо ветерок,
 Но мой любимый сегодня не придет.
 Ты помнишь наши встречи
 И вечер голубой,
 Волнующие речи,
 Любимый мой, родной...
 Я помню, как сейчас, мой друг,
 Руки пожатые.
 Ты сказал мне: «До свидания!»,
 Простясь со мной.
 Забыты наши встречи
 И вечер голубой!
 Давно умолкли речи
 И нет тебя со мной.
 Не жди любви обратно,
 Забудь меня.
 Нет к прошлому возврата
 И нет огня. [...]**.

Танкист¹⁰

Рано-спозаранку вошли в деревню танки
 И остановились в саду.
 Вышел парень русский – командир безусый –
 Повстречал дивчину молодую.

Дай воды напиться, дай воды умыться!
 Мы идем сегодня в жаркий бой –
 Парень умывался, парень улыбался –
 Светлоглазый парень молодой.

Он кивнул дивчине, сам пошел к машине
 И открыл стальной тяжелый люк.
 Девушка сказала: «Что побыл так мало?
 После боя ждем вас, милый друг!».

Словно солнце светит – девушке ответил
 Молодой отважный паренек:
 «Вы меня простите, ждите, не грустите.
 Путь на запад труден и далек».

Сила огневая, сила громовая
 Ринулась на запад, как гроза!
 Бей врага сильнее, приезжай скорее!
 До свиданья, милые синие глаза!

Твоя фотография

Из Воронежа уходит эшелон,
 День и ночь стучит колесами вагон.
 И в вагоне фотографию твою
 Из кармана гимнастерки достаю.
 Ты, я знаю, измениться не могла
 И такая, как по-прежнему, была.

Припев:

Дорога степная, тропинка лесная
 И неба простор голубой.
 Меня провожала, я знаю, родная,
 Что скоро мы встретимся с тобой.

День и ночь идут упорные бои.
 Пятый раз в атаку ходим мы.
 День и ночь наш батальон идет вперед,
 И ни сон, и ни усталость не берет.
 Только некогда, родная, мне в бою
 Посмотреть на фотографию твою.

А война ночная, граната ручная
 И неба простор голубой.
 Меня вспоминая, я верю, родная,
 Что скоро мы встретимся с тобой.

Канонада уже стала затихать,
 После боя повели нас отдыхать.
 На привале фотографию твою
 Из пробитой гимнастерки достаю.
 Потемнела фотография твоя –
 Тем дороже она сердцу моему.

Дорога степная, тропинка лесная
 И неба простор голубой.
 Меня провожала, я знаю, родная,
 Что скоро мы встретимся с тобой. [...]***.

Когда настанет час разлуки,
 Возьми ты в руки свой альбом
 И, вспоминая про былое,
 Ты просмотри что есть все в нем.
 А после долгих лет разлуки,
 Быть может, встретимся мы вновь.

И возвратится все обратно,
И закипит опять любовь.

Боевая зенитная

В зенит глядит суровый взор
Бойцов зенитных батарей.
Тревогу бьет нам ВНОС дозор –
Приборам, пушкам – поскорей!

Припев:
Номера на месте,
Цели в перекресте****,
Жерла орудий направлены в цель.

Одето небо в облака,
Но слышим мы мотор врага.
И пусть из облака нырнет –
От залпов пушки не уйдет!

Упало солнце за «второй» –
Мы ждем врага ночной порой.
Бит «основным» стервятник днем,
А ночью бит заградогнем.¹¹

А близок враг перед тобой –
Команду дай «По штурмовой!»
Уж тут, зенитчик, не зевай!
Поправку ввел и – заряжай!

Коль вражьи танки двинут к нам –
Прямой наводкой по врагам!
Точней взрыватель и прицел –
И не пройдет разбойник цел!

В зенит глядит суровый взор
Бойцов зенитных батарей.
Тревогу бьет нам ВНОС дозор –
Приборам, пушкам – поскорей!

Песня о разоренном врагами родном доме¹²

[...]***** дорогой степной,
[...]***** на побывку домой.
Сердце играет и кровь молода,
К свадьбе залечится рана твоя.
С шуткой его провожали друзья,

Песню поет – он доволен судьбой.
 Крутится, вертится шар голубой,
 Крутится, вертится – хочет упасть.
 Ранили парня – да что за напасть!
 Скоро он будет в отцовском дому,
 Выйдут родные навстречу ему...
 Парень подходит – нигде никого!
 Горькое горе встречает его –
 Черные трубы над снегом торчат,
 Черные стаи над ними кричат.
 [...]***** горькое горе,
 [...]***** только скворечник
 Высоко висит над костром.
 Где ж ты, родная деревня?
 Где эта улица, где этот дом,
 Где эта девушка, вся в голубом?
 Вышла откуда-то старая мать:
 «Где же, сыночек, тебя принимать?
 Чем же тебя напоить, накормить?
 Где же постель для тебя постелить?
 Все переграбили, хату сожгли,
 Настю-невесту с собой увезли».
 Вьется и тает махорочный дым,
 Парень уходит к друзьям боевым.
 Парень уходит – судьба решена,
 Дума одна и дорога одна.
 Дальше и дальше родные края,
 Настенька-Настя, невеста моя!
 Встретимся – нет ли, снова с тобой?
 Крутится, вертится шар голубой...

Чайка*****

Чайка смело пролетела, пронеслась стрелой,
 Окунулась, перевернулась, вьется надо мной.
 А ну-ка, чайка, отвечай-ка – друг ты или нет?
 Ты лети-ка, отнеси-ка милому привет!
 Милый в море, на просторе в голубом краю,
 Пусть он любит, не забудет ласточку свою.
 Чайка смело пролетела, пронеслась стрелой –
 В море тает, улетает мой конверт живой...

[...]*****.

Память прошлого и мечты будущего

Нависли над родиной черные тучи,
 Фашистские орды к столице рвались,

Но твердо стояли советские воины –
Все до последней минуты дрались.

В дни суровые, в дни грозные
Трудно нам приходилось в боях,
Но не дрогнули от «мессершмиттов»,
Не заходил в вашу душу здесь страх.

Помнишь Воронеж, помнишь Валуйки,
Где в схватках жестоких дрались вы с врагом?
Огонь ураганный открыли зенитки –
Все небо в разрывах и бомбы кругом.

Теперь же прошли все те дни грозные,
Пришел долгожданный радостный час.
Домой возвращайтесь в гнездо дорогое,
За рюмкой средь милых подруг вспомни нас.

Вспомни, что вместе когда-то служили,
Вспомни, что вместе мы были в боях.
Я в кадровой службу свою продолжаю,
Работа любимой – в родимых краях.

Как отслужу свой срок службы армейской,
Вновь прилечу в край любимый, родной.
Будет день памятный, день долгожданный –
День моей встречи, родная, **с тобой!**

Вот мчится экспресс по широким просторам,
Тамбовская область встает на пути.
Вот станция, город, Е... ***** но близко –
Дорогой прямой к дорогой мне идти. *****

Трудно мне без тебя, дорогая!
Что мне делать, куда мне пойти?
Не влечет меня больше другая,
А такой, как тебя – не найти.

Разошлись в обстановке тяжелой –
Все деревья осыпались в ряд.
Ты согрела меня нежной лаской –
Я ушел в партизанский отряд.

Называла любимым и милым,

Не забыть твоих ясных речей.
И слезу лепестком белоснежным
Уронила из ясных очей.

И в землянке, засыпанной снегом,
Часто снилася ты мне во сне.
Твое имя любил на полянке
Вырезать я ножом на сосне.

У калитки заветная груша,
Где тобой любовался все я.
Где ты, где ты, моя дорогуша,
Синеглазая чайка моя!

Вот покончим с фашистской ордой,
И с победой окончится бой.
Обещаю тебе, синеглазая,
Что с победой вернусь я домой.

Если ждешь, то вернусь я с победой,
А не ждешь – так уж этому быть.
Целовать тогда будешь другого,
А меня попрошу позабыть.

[...]*****.

Ночь над Белградом

Ночь над Белградом тихая
Вышла на смену дня.
Вспомни, как ярко вспыхивал
Яростный столб огня.

Пламя гнева в груди горит,
Час расплаты готовь!
Вспомни годину ужаса,
Черных машин полет.

Сердце сожми, прислушайся –
Песню ночь поет.
Пламя гнева горит в груди,
Час расплаты готовь!
Кровь за кровь, смерть за смерть!
В бой, славяне, заря впереди!

Вдали полоска засверкала

Вдали полоска засверкала,

Блеснул багрянец огневой,
И батарея наша встала,
Раскинув веер боевой.

Припев:
Готовь снаряд, готовь снаряд,
Гранату и шрапнель!
Командующий, командующий,
Не тратьте лишних слов!
По цели бьем, по цели бьем!
Не трать зря снаряды!
По цели бьем – все цели разобьем!

Звенел топор, трещали ветки*****,
Замаскированные вмиг,
И с наблюдательного пункта
Разведчик мчится напрямик.

Ориентир в зеленом поле,
У панорамы зоркий глаз,
Застыл связной у телефона –
Еще минута и – приказ.

Летят снаряды на фашистов,
Громят немецкий черный сброд –
Арийской расе с «кровью чистой»
Так платит наш родной народ!

Посвящено артиллеристам
У пушек скромный, мирный вид,
Но только в небе зашумит
«Ю», «хенкель» или «мессершмитт» –
Уж небо щупают все взоры
И трубы пушек, и приборы.
И, цель поймав высоко в небе,
За совмещение взялись.
Слышна команда: 600 [...]*****
И залпы пушек раздались.
Уж виден дым в консоли левой –
Летит стервятник вниз стрелой.
Так защищать должны объекты
Спокойно небо над землей.
[...]*****.

ГАСПИТО. Ф. Р-9291. Оп. 12. Д. 112. Л. 1, 3, 4, 6-9, 12-14, 17-19, 25-27.
Копия.

* Фамилия, имя, отчество не установлены.
 ** Опущена запись текста песни из к/ф «Свинарка и пастух» («Хорошо на московском просторе...») с пометой «Будапешт 6/V-45 г.».
 *** То же запись текста песни «Сама садик я садила» с пометой «26/V-45 г.».
 **** Около строки рисунок двухмоторного самолета в перекресте прицела.
 ***** Лист оборван.
 ***** Под заголовком – рисунок чайки, на странице справа – цветная открытка с морским пейзажем.
 ***** Опущена запись песни «Кто сказал, что нужно бросить песни на войне?».
 ***** Так в документе.
 ***** Под строкой – рисунок железнодорожного пути
 ***** Опущены стихотворение «Жди меня» К.М. Симонова, тексты песен «Фронтowej романс» («В этот день дождливый и туманный...») и «В землянке» («Проведу я рукою по струнам, и гитара моя запоет...»).
 ***** Слова *трещали ветки* вписаны вместо зачеркнутых слов *летели щепки*.
 ***** Слово неразборчиво (текст угас).
 ***** Опущены тексты песен «Давай, закурим!» и «О любви и дружбе» («Веселья час придет к нам снова...»).

№ 1275

Из записей армейского фольклора, сделанных И.К. Судоргиным¹³

Октябрь 1945 г.

Прибаски

[...]*.

Жми, дави, ломай, куверкай!

Жизнью я не дорожу.

Если голову отрубят,

Я телячью привяжу.

Я нашел себе шмару –

Ох, какая благодать!

Хвост поднимет, зубы ощерит –

Всю Германию видать!

Он, германец – п...рванец!

Расп...й его ты мать!

И хотел ты хвост поднять,

На Россию воевать!

Наварила мать картошки,

Разделила по одной –

Ешьте, ешьте, мои детки,

У хлеба нынче выходной!

Шла Матрена с аэродрома
И назад попятилась,
Налетела на Харитона
И пошла сгорбатилась!

У нашего холуя
Шея, как у бугая,
Морда очень важная,
Да душа продажная!

Я ходила день и ночь –
Принесла в подоле дочь.
На, ты, мамка, покачай!
Дело вышло невзначай!

Шли бои на суше и на море,
Грохотали выстрелы кругом!
Запевала песенку Катюша
Под Касторной, Курском и Орлом!

Дорогая ты подруга!
Как бы нам не прозевать –
По девятому талону
Мужиков будут давать!

Частушки

Пой частушки как частушки!
Пусть ребята подпоют!
Нету лучше во всем мире,
Как колхозники живут!

Ванька-снайпер был хороший,
Стреляя метко – наверняка.
Не подумай, что такое –
Табачишку у ребят!

Девок много, девок много,
Девок некуда девать!
Из Москвы пришла записка –
Девок в сани запрягать!

Мы с Матаней расставались
На коровьем стойле.

Раз пятнадцать целовались,
По собачьи воили.

Мы коровушек доили
Выполняли молока,
А по мясу не добрали –
Хрен сломался у быка!

Черна туча, черна туча –
Гитлер с запада идет.
Наша армия могуча –
Эту тучу раз...т!

Между сосен, между елей
Вьется быстрая река.
Наша родина Советов
И могуча, и крепка!

Говорим с фашистской сворой
Очень жарким языком –
Мы ведем с ней разговоры
Бомбой, пулей и штыком!

Пусть фашисты не грозят,
Силою не хвалятся.
Наша армия сильна –
С ними она справится!

Солдатская лирика

Белая береза

В солнечном просторе на широком поле,
Где едва заметно зеленеет лес,
На траве помятой, раненный гранатой,
Тихо умирает молодой боец.

А над ним уныло, голову склоняя,
Старая береза, как родная мать.
«Белая береза, вытри мои слезы!
Видишь, не хочу я рано умирать!»

Сердце замолчало и бойца не стало –
Матери сыночка больше не видать!
Будет лить береза дождевые слезы
И к его могиле вам укажет путь.

Пройдет война, и снова встречу я тебя.
Ты улыбнешься, к сердцу прижмешься,
Я расцелую тебя.

Он уехал

В дверь стучится зимний ветер,
А на сердце зимний хлад.
Он уехал, ненаглядный,
Не вернется он назад!

И весна мне не на радость,
Коль печаль в душе моей.
Он уехал, он уехал!
И слезы льются из очей.

Говорят, весна вернется,
Расцветет природа вновь.
Все воскреснет, улыбнется,
Не вернется лишь любовь.

Не слышать мне песен звонких,
Ни восторженных речей.
Он уехал, ненаглядный,
А слезы так и льются из очей!

Орленок

Орленок, орленок, крылатая птица,
Слетай-ка в родимый ты край!
Там мама-старушка по сыну рыдает,
Родной ей привет передай!

Орленок, орленок, крылатая птица,
Сверши свой далекий полет!
Над красной Москвой, над любимой столицей,
Где Сталин родимый живет.

Ему передай-ка, ему Расскажи ты
Про наших врагов, про тюрьму.
Скажи, что в плену мы, но не разбить нас
И не сломить никому!

Моя любимая

С обидой пишешь письма мне, что я...

Но ты пойми, я на войне, моя любимая!
 Как много их – не перечесть,
 И ждут все писем от меня
 И в Курске, Омске, Томске, моя любимая!
 Ты пишешь в письмах: дочка есть, похожа на меня,
 Ну, пусть растет, я и не прочь, моя любимая!
 «Мамочка», – спросит, – «где отец?». И спросит про меня.
 Скажи, на фронте я погиб, моя любимая!

Личный архив В.Л. Дьячкова. Подлинник.

* Опущены неприличные частушки и прибаски, не связанные непосредственно с тематикой Великой Отечественной войны.

№ 1276

«Команде петь и веселиться!» (из записей армейского фольклора, сделанных Д.Д. Орловым¹⁴)

26 марта 2005 г.

Об этой команде я только читал. Касалась она моряков на кораблях. В сухопутных войсках я ее никогда не слышал и сам не отдавал, если это не была командой на строевую песню. Но солдаты пели. И много. Правда, не на передовой, где этому не было ни места, ни времени. Песни звучали в тылу, на формированиях, где мне эпизодически приходилось бывать. Пели песни и профессиональных песенников и композиторов, пели и «самодельные» песни, слова на которые писали солдаты на мелодии хорошо известных песен. Написать более или менее удачно текст песни умельцы находились, а вот хороших композиторов я что-то не встречал.

Попробую привести примеры таких песен, указывая мелодию. К сожалению, я не владею нотной грамотой и не могу передавать мелодию, даже если я ее помню.

Попытаюсь подразделить песни на песни хорового исполнения во время отдыха, наличия свободного времени, песни-марши, для исполнения которых требовалось специальное обучение солдат, и песни, а вернее стихотворения-шутки, для сольного исполнения.

Датировку песен я привести не смогу. Очень уж много времени прошло с момента появления той или иной песни. Да и значительная часть песен списана у лиц, которые, как правило, и сами не знали о датах написания песни. Можно только догадываться, опираясь на содержание. Довольно популярной была мелодия песни о кочегаре, на которую было много разных текстов:

Моряк

Я встретил его близ Одессы родной,
 Когда в бой пошла наша рота.

Он шел впереди, вдохновляя на бой,
 Моряк Черноморского флота.
 Он шел впереди с автоматом в руках,
 Сам был уроженцем Орджики.
 А ветер гулял за широкой спиной
 По лентам его бескозырки.
 А после уж боя я встретил его
 В разбитой снарядами хате –
 Лежал он на докторском белом столе
 В кровавом и рваном бушлате.
 Двенадцать ранений хирург насчитал,
 Две пули засели глубоко.
 Но старый моряк и в бреду напевал
 «Раскинулось море широко».
 «Товарищ, братишка, как будешь в Москве,
 Зайди ты ко мне на Ордынку.
 Жене передай мой последний привет,
 А сыну отдай бескозырку.

Бой за Северским Донцом летом 1942 года:

Раскинулось поле широко
 И море пшеницы кругом.
 Нам некуда ехать далеко,
 Ведь мы окружены врагом.
 Не слышно веселья и песен,
 Лишь море пшеницы шумит.
 А круг обороны так тесен –
 Как вспомнить, так сердце болит.
 «Товарищ, не в силах я больше бежать», –
 Сказал лейтенант комиссару. –
 «Фашистская пуля мешает дышать,
 Не сможем прорваться на пару.
 Я шел через много сражений, боев,
 Чтоб счастье пробить для народа.
 Прорветесь, скажи, дорогой, что погиб
 За честь, за народ, за свободу».
 Все три окруженья пробили,
 Четвертое надо пробить.
 Но сил у бойца не хватило,
 За родину честно погиб.
 И четверо суток покойник лежал,
 Весь яркою кровью облитый.
 В руке он на взводе гранату держал,
 Медаль на груди на пробитой.

Напрасно мамаша ждет сына домой.
 Ей скажут – она зарыдает.
 А море пшеницы колышет волной,
 На труп все зерно осыпая.

Эта мелодия звучала и в других родах войск:

Подвешены бомбы, в машину он сел,
 Проверил свои пулеметы.
 Взревели моторы, и он улетел
 Фашистские бить самолеты. [...]*

Довольно быстро появлялись песни, откликающиеся на изменение обстановки на фронте:

На закате ходит Гитлер (мелодия «На закате ходит парень»)

На закате ходит Гитлер
 Возле штаба своего.
 Поморгает он глазами
 И не скажет ничего.
 И кто его знает,
 Зачем он моргает, зачем он моргает,
 Зачем он моргает.
 Как получит пять дивизий,
 Он танцует и поет.
 А как сводку прочитает,
 Отвернется и вздохнет.
 И кто его знает,
 Зачем он вздыхает, зачем он вздыхает,
 Зачем он вздыхает.
 Геббельс спросит:
 «Что не весел
 Иль не радуется житье?» –
 «Потерял я под Москвою
 Войско бедное свое».
 И кто его знает,
 Зачем он теряет, зачем он теряет,
 Зачем он теряет.

Сталинград (мелодия «Есть на волге утес»)

Есть на волге утес. Он броней оброс,
 Что из нашей отваги куется.
 В мире нет никого, кто не знал бы его,
 Он у нас Сталинградом зовется.
 На утесе на том на посту боевом

Стали грудью орлы-сталинградцы.
 Воеет вражья орда, но врагу никогда
 На приволжский утес не взобраться.
 Как в дыму боевом смерть вставала кругом,
 Но герои с постов не сходили.
 Кровь смывали порой свежей волжской водой
 И друзей без гробов хоронили.
 Ой, ты, Волга-река,
 Широка, глубока.
 Ты сражений видала немало.
 Но такой, может, бой ты, родная, впервой
 На своих берегах увидала.
 Мы врага разобьем, мы к победе придем,
 Солнце радостно нам улыбнется.
 И на празднике том об утесе споем,
 Что стальным Сталинградом зовется.

Расцветали яблони и груши (мелодия «Катюша»)

Расцветали яблони и груши,
 Дрожь колотит немца за рекой.
 Это наша русская «катюша»
 Немчуре поет за упокой.
 Выходила, песню заводила
 Про степного сизого орла,
 Про того, которого сгубила,
 Про того, чьи кости сберегла.

Платочек (мелодия «Синий платочек»)

Грязный солдатский платочек
 Ханс посылает домой
 И добавляет несколько строчек –
 Дескать, дела «Ой, ой, ой.
 Бежим, летим
 Мы по просторам чужим.
 Кружится летчик, бьет пулеметчик.
 С мужем простись со своим.
 Помнишь ты наше прощанье?
 Геббельса речь самого?
 Дескать, ворветесь в лавку любую
 И наберете всего.
 Увы! Не раз
 В ранний предутренний час.
 В брюхе урчало, в ухе стучало,
 Ветром качает всех нас.
 Вот и весна наступила,

Бьют нас, куда не стучи.
 Геббельс болтает, черт его знает.
 Мы погибали в степи».

Порой ночной
 Немцы объята тоской.
 «Хлеба кусочек!» – Зачем же платочек,
 Ганс, посылал ты домой?

Я, конечно, не уверен, но довольно точно описываются события на Украине зимой-весной 1944 года, когда немцев именно гнали в хвост и в гриву. [...]**.

Не всегда солдатские песни были веселыми, жизнерадостными или лирическими. Бывало, под влиянием известий из дома появлялись гневные, иронические и сатирические творения. Вот, к примеру «Темная ночь» (мелодия соответствующая):

Темная ночь
 Залегла над Москвой.
 В парк уходит последний трамвай,
 Тихо звуки доносит
 Темная ночь.
 Как испортила женщин война,
 И поэтому в песне слова
 По другому поются.
 Муж далеко.
 Он воюет за Родину-мать,
 А жена продолжает в тылу
 По театрам шататься.
 Танцы, кино,
 Маскировка закрыла окно,
 А в квартире военных полно
 От сержанта и выше.
 Верить нельзя
 Женам нашим в тылу.
 Пишут мужу, что «крепко люблю»,
 А гулять продолжают.
 Ей не срамно –
 Муж не скоро вернется домой,
 Да к тому же привыкла она
 К этой жизни блудливой.
 Ты меня ждешь,
 А сама с лейтенантом живешь.
 И от детской кровати тайком
 Ты в кино удираешь.

Вместе с пополнением из временно оккупированных районов Украины где-то в июне 1944 года пополнился ассортимент песен. Мне попалась песня, созданная во время оккупации, как мне сказали. Тоже на тему неверности женщин:

Молодые девушки (мелодия «Спят курганы темные»)

Молодые девушки немцам улыбаются,
 Позабыли девушки о парнях своих.
 Только лишь родителям горе прибавляется,
 Плачут нынче бедные о сынах своих.
 Лейтенанты, летчики – девушки любили их,
 Со слезами верности девушки клялись.
 Но в пору тяжелую изменили соколам,
 Из-за пайки хлеба вы немцам продались.
 Но вернутся соколы, прилетят желанные –
 С чем тогда вы, девушки, выйдете встречать?
 Ведь торговлю чувствами и торговлю ласками
 Невозможно, девушки, будет оправдать.
 Под немецких куколок вы прическу делали,
 Красились вы, мазались, крутились юлой.
 Но не нужны соколам краски, ваши локоны.
 И пройдет с презрением парень молодой.

Но фронтовое братство не только грустило, упрекало. Оно отдавало должное мужеству и верности в бою своим товарищам:

Дрались по геройски, по-русски
 Два друга в пехоте морской.
 Один паренек был калужский
 Другой паренек – костромской.
 Они словно братья сроднились,
 Делили и хлеб, и табак.
 И рядом на ленточке вились
 В огне непрерывных атак.
 В штыки ударяли два друга,
 И смерть отступала сама.
 А ну-ка дай жизни, Калуга!
 Ходи веселей, Кострома!
 Но вот под осколком снаряда
 Упал паренек костромской.
 «Со мною возиться не надо», –
 Он другу промолвил с тоской.
 – «Я знаю, что больше не встречу,
 В глазах беспросветная тьма».
 – «О смерти задумал ты рано.
 Ходи веселей, Кострома!».
 И бережно поднял он друга,

Но вдруг застонал и упал:
 – «А ну-ка, дай жизни. Калуга!», –
 Товарищ чуть слышно сказал.
 Вот кончилась дымная выюга,
 Себя подбодрили дружки.
 И тихо по снежному полю
 К своим поползли моряки.***

[...]****. Ну, не все же время исполнять хоровые или маршевые песни!
 В свободное время выступали солисты с шуточными песнями или
 стихотворениями. Вот некоторые из них:

Завещание пьяницы

Под вечер осенью ненастной
 Тащился пьяница в кабак –
 С подбитым глазом, красным носом
 Пропить последний четвертак.
 «Друзья, прощайте, умираю.
 Не я, а люди говорят.
 Пальто и брюки оставляю
 И две рубашки без заплат.
 Телячий ранец да корзину,
 Одни худые сапоги,
 Одну паршивую картину
 И кой-какие пустяки.
 Именье это завещаю
 Продать на рынке, а потом
 Пойти в трактир напиться чаю
 И посетить питейный дом.
 Отдайте дом вы мой за водку
 Ивану – скряге-дураку,
 Пятак Семахе за осьмушку
 И грош Борису Кисляку.
 В том кабаке меня заройте,
 В котором чаще я бывал.
 Могилу так вы мне устройте,
 Чтоб я под бочкою лежал,
 Оборотясь к стене ногами,
 А головой под самый кран,
 Держа обеими руками
 Огромный с водкою стакан.
 А написать с меня картину
 Наймите Ваньку Маляра.
 К обеду кончит он работу –
 За то дать водки полведра.
 Могилу вы мне обложите

Турецким чистым табаком.
 И на нее вы положите
 Кисет и трубку с табаком.
 Писать ведь толком не умел я,
 Читать – давно уж позабыл.
 Все ж на мгновенье напишите:
 «Покойник водочку любил».

Где-то в середине июня 1944 года мы получили пополнение из временно оккупированных районов. Это сразу сказалось на песенном репертуаре подразделений. Зазвучали мелодичные украинские песни. Неукраинцы старательно пытались петь по-украински, не обращая внимания на то, как это получается. Главное – мелодия. Появились и шуточные украинские:

Полтавский соцкий
 Колы б я був полтавский соцкий,
 Богато где чого зробив.
 Насадобыв ба я деревьев
 Да барабулю б я ростив.
 Насадобыв ба я деревьев –
 Та щоб все грушами булы б,
 Росли вареники на сливах,
 Текла б сливянка из вербы.
 Замест лозы росли б ковбасы,
 Замест листов булы б блинцы,
 По булынам щоб росло сало –
 Хто що хотив, то тоб и в
 Усе б крынницы розлив квасу –
 Такий, щоб в косы закрутив.
 Щоб чоловик с похмелья часом
 Скильки б хотив, то тоб и пив.
 Усе б мужики и молодыци
 Опять девчатыми булы –
 Та таки горны круглолыци,
 Хто с кем хотив, то с тим и жив.
 Колы б я був полтавский соцкий,
 Богато где б кого сдобыв.
 Одначсе ж, люди, прощевайте.
 Боюсь, щоб морду хто не набив. [...]*****.

В июне 1945 года появилось шуточное стихотворение «В «гражданке»», получившее шумный успех. Все ожидали демобилизацию, а в стихотворении затрагивалась именно эта тема:

В «гражданке»
 Даст бог, я вернуся в «гражданку»,
 И даст бог, я в «гражданке» женюсь.

Созову небывалую пьянку
 И во имя возврата напьюсь.
 Буду пить, распивать, напиваться,
 Чтоб чертям стало тошно в аду,
 Пока девки не станут смеяться,
 Тыча пальцем в мою седину.
 А под старость нагрею квартиру,
 Где-то в Сочи сниму особняк
 И над крышей я вывешу бирку
 С привлекательным словом «Кабак».
 Перед домом разрою площадку,
 Понарою там дзотов, траншей.
 Буду утром гонять на зарядку
 Всю семью от жены до детей.
 И скажу вам, друзья, откровенно –
 Буду честно супругу любить.
 И во имя всей мощи военной
 Заставлять буду в дзоте родить.
 С малых лет ведь сын к дзоту привыкнет,
 Будет он неприступный боец,
 Попадет он, конечно, в пехоту,
 Как попал его бедный отец.
 Чтоб детишки из родной квартиры
 По соседям не смели гулять,
 Им обмотками спутаю ноги,
 По утрам буду сам проверять.
 Дисциплину введу я стальную,
 Буду требовать форму носить.
 И приветствовать будут детишки,
 И к отцу строевым подходить.
 Буду часто им делать походы,
 Буду жизни солдатской учить,
 Чтобы дети могли все невзгоды
 По-гвардейски, без страха сносить.
 Как родится в семье моей дочка,
 Позабочусь тогда я о том,
 Чтоб одета была до чулочка
 И чтоб сумку носила с крестом.
 Медсестрой называть ее буду,
 На маневры с ней заставлю ходить,
 Чтобы дочка моя с малолетства
 Привыкала солдата любить.
 Чтоб в квартиру соседей заходы
 Не могли дисциплину ломать,
 Всех детишек заставляю посменно

У дверей с кочергою стоять.
 Замполитом поставлю я тещу,
 Старшиной пусть уж будет жена.
 А нагорном поставлю мамашу,
 Чтобы тоже мне службу несла. [...]*****.

Наконец, долгожданная команда: «Бери шинель, пошли домой!»:
Пошли, поехали!
 Говорила мне мать:
 «Ночью не ходи гулять».
 А я ночью не хожу –
 Только с милым посижу.

Мил сидит на берегу –
 Выходить я не могу.
 Через такого дьявола
 Три часа проплавала.

Ох, не вздыхай, король бубновый.
 Ох, у меня вздыхатель новый.
 У меня вздыхатель Мишка,
 Лет семнадцати парнишка.

С неба звездочка упала
 Прямо на [нос] петуху.
 Петуху обидно стало,
 Заорал: «Кукареку!».

Ой, корыто, корыто
 Полно водой налито.
 В нем девчонки ножки моют,
 А мальчишки воду пьют.

Нам сказали на вокзале,
 Что девчата дешевы:
 Две копейки, три копейки
 Самые хорошие.

Нам сказали на базаре,
 Что мальчишки дешевы:
 Две копейки, три копейки
 Самые хорошие.

Топится, топится в огороде баня.
 Женится, женится наш миленок Ваня.

Не топись, не топись в огороде, баня.
Не женись, не женись, наш миленок Ваня.

Шла машина из Тамбова,
А на крыше-то корова.

Не сама гармонь играет –
Ее пальцы шевелят.
Не сама девка гуляет –
Ей родители велят.

С таким веселым шумом разъезжались эшелоны по стране, развозя теперь уже бывших солдат к радости их самих и их домашних. [...]*****.

ГАСПИТО. Ф. Р-9291. Оп. 12. Д. 3. Л. 122-143. Подлинник.

* Опущен пример послевоенного студенческого текста на ту же мелодию.

** То же записи текста песни о Брестской крепости на мелодию песни о «Варяге», а также настоящий текст этой песни и настоящий полный текст песни «Синий платочек».

*** Записано в августе 1945 года. Демба (Польша). (*Помета автора*).

**** Опущены примеры текстов строевых песен и маршей войсковых частей, в которых служил Д.Д. Орлов.

***** То же перевод на русский некоторых украинских слов.

***** То же свидетельство о распространенности на всех фронтах приведенного солдатского фольклора.

***** То же процитированное стихотворение А. Твардовского «В тот день, когда окончилась война» и популярные среди мобилизованных «блатные», лагерные песни, записанные Д.Д. Орловым в Лысых Горах осенью 1941 г.

¹ Пальцев П., бывший студент ист. факт-та Тамбовского пед. ин-та.

² Автор пытался написать стихотворение в размере текста «Интернационала», тогдашнего Гимна СССР.

³ Семичева Вера Матвеевна (р. 1917). Родилась в с. Анновка Тамбовского у. Тамбовской губ. Из рабочих. В 1937 окончила Тамбовский вагонный техникум. Работала мастером, инженером на ст. Горький. Член ВКП(б) с 1939. С 1940 на руководящей комс. работе: инструктор, секретарь по кадрам Тамбовского ОК ВЛКСМ. В сентябре 1942 избрана 1-м секретарем Тамбовского ОК ВЛКСМ. В июле 1943 освобождена от должности в связи с выбытием на учебу в ВПШ при ЦК ВКП(б). Впоследствии проживала в г. Ленинград, работала преподавателем, доцентом кафедры истории КПСС ЛГУ. (ГАСПИТО. Ф. П-1045. Оп. 4. Д. 14035).

⁴ Стихи на мотив песни «Спят курганы темные, солнцем опаленные...» из 1-й серии кинофильма «Большая жизнь».

⁵ Стихотворение «Вместо письма» Л.М. Трахтенберга (1924-1943).

⁶ См. примечание 4.

⁷ Шульчев Валентин Иванович (1914-1943), поэт. Родился в с. Староюрьево Козловского у. Тамбовской губ. Из семьи учителя. Стихи начал писать в школьные годы. Печатался в журналах «Красная новь», «Новый мир», «Подъем». Окончил Новиковское пед. училище, Воронежский пед. ин-т. Преподавал в школе. С 1939 служил в Кр. Армии. Участник Великой Отечественной войны. Попав в окружение, воевал в партизанском отряде. Стихи воен. времени отличались высоким патриотизмом («Песня курских партизан» и др.). Поэма «Орловщина» осталась незаконченной. Погиб в бою 21 февраля 1943. С 1960-х вышли сб. стихов В.И. Шульчева «Жить, побеждая!», «Имена на поверке». Награжден орденом Отечественной войны 1-й ст. (Тамбовская энциклопедия. Тамбов, 2004. С. 681).

⁸ Стихи на мотив песни о «Варяге» («Наверх вы, товарищи, все по местам...»).

⁹ См. примечание 8.

¹⁰ Стихи на мотив «Песенки фронтовых корреспондентов» («От Москвы до Бреста нет такого места...»).

¹¹ За «второй» – за 2-й батареей, «основной» – огонь по цели, в отличие от заградительного огня перед движущейся целью.

¹² Стихи на мотив песни из кинофильма «Юность Максима» («Крутится, вертится шар голубой...»).

¹³ Судоргин Иван Казьмич (1921-1997). Родился в с. 1-е Пересыпкино Кирсановского у. Тамбовской губ. В 1932-1936 пастух, рядовой колхозник в своем селе. В 1936-1937 работал на ст. Тушино (г. Москва). В январе-мае 1938 исполнитель Пересыпкинское с/с. В мае-декабре 1938 работал на з-де № 204. В 1938-1940 вновь работал в к-зе (в июле 1939-апреле 1940 вахтер на воен. складе № 60 НКВД (г. Хабаровск). 29 сентября 1940 призван в РККА (44-й артполк ТОФ, г. Владивосток). С августа 1942 на фронте, служил в 809-м зенитном полку. Принимал участие в прорыве блокады г. Ленинград. День Победы

встретил на о. Рюген (Передняя Померания). После окончания войны служил в 925-м ЗАД. Демобилизован 28 мая 1946. (Личный архив В.Л. Дьячкова).

¹⁴ Орлов Дмитрий Дмитриевич (1919-2008). Родился в г. Тамбов. Окончил Тамбовский учит. ин-т. Работал учителем физики в с. Юрловка Юрловского р-на Тамбовской обл. Призван в армию 1 октября 1941 (до войны считался негодным к службе в армии из-за близорукости). В 1944-1946 ком. взвода 120-мм минометов (2-й Украинский фронт). Демобилизован 15 августа 1946, гв. лейтенант. В 1946-1947 обучался на физ.-мат. фак-те ТГПИ. В 1947-1989 работал преподавателем, ст. преподавателем кафедры общей физики ТГПИ. (Личный архив В.Д. Орловой).